

А.А. Сулейманов

DOI: 10.25693/SVGV.2020.31.2.007

УДК 001.89(571.56)

Академия наук СССР и археологическое изучение арктических районов Якутии в 1980-е – 1991 гг.

В статье на основе анализа научной литературы и архивных материалов, в т.ч. впервые вводимых автором в научный оборот, реконструирована история проведения в 1980–1991-е гг. в арктических районах Якутии силами Академии наук СССР археологических изысканий. В связи с этим выявлены основные акторы исследовательского процесса: сотрудники Института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР и Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Определена география реализованных ими инициатив, охвативших, главным образом, бассейны рек Колыма, Индигирка и Яна, а также архипелаг Новосибирских островов. Показано, что благодаря планам по строительству в рассматриваемый период Адычанской ГЭС достаточно активному изучению силами Приленской археологической экспедиции ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР подвергся бассейн р. Адыча. Рассмотрены важнейшие результаты проведенных исследований. Установлено, что, несмотря на в значительной степени рекогносцировочный характер, они имели существенное значение для реконструкции истории заселения Заполярной Якутии древним человеком, определения территориальных пределов покорения им высоких широт, возможностей корреляции выявленных памятников с известными археологическими культурами.

Ключевые слова: Арктика, Якутия, Академия наук СССР, исследования, археологические экспедиции.

Долгожданное признание в 2019 г. на федеральном уровне арктическими всех 13 административных районов (улусов) Республики Саха (Якутии), расположенных севернее Северного полярного круга, включение в региональные государственные программы специальных «арктических разделов», а также освобождение жителей Заполярной Якутии от уплаты ряда налогов являются, как представляется, яркими свидетельствами специфики и значения этого ареала, требующего к себе, в том числе, особого внимания ученых.

Одной из сторон данного внимания, безусловно, является интерес к изучению его древнейшего прошлого, что позволяет пролить свет

на историю заселения человеком Арктики, пути его адаптации, этногенез аборигенных этнических сообществ и многое другое.

Примечательно, что, по сведениям И.Е. Зыкова, первые исследования археологического характера в Якутии были проведены именно в ее арктической зоне [Зыков, 1972, с. 17]. В 1787 г. участник Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции Г.А. Сарычев обнаружил в 70 км к востоку от устья Колымы «обвалившиеся земляные юрты» и произвел их обследование [Сарычев, 1952, с. 17]. Эти изыскания, по мнению А.П. Окладникова, положили начало полярной археологии как науки [Окладников, 1951, с. 17].

XIX столетие было отмечено отдельными и, как правило, случайными археологическими находками, сделанными, в том числе, за Северным полярным кругом. Определенный импульс этому процессу придало появление в Якутии значительного числа образованных людей – политических ссыльных, ставших здесь по воле судьбы исследователями местной истории, культуры и языков коренных народов [Архипов, 2000, с. 27–41].

Первыми же профессиональными археологическими исследованиями в Якутии, затронувшими и ее арктические районы, стали работы участников Ленской историко-археологической экспедиции 1940–1946 гг., проводившиеся под руководством будущего академика А.П. Окладникова. В 1942–1943 гг. ими были осуществлены изыскания в нижнем течении р. Лена, а в 1946 г. археологической рекогносцировке подвергся бассейн р. Колыма, где были открыты три стоянки древнего человека [Там же, с. 43–45].

После отъезда А.П. Окладникова из Якутии отдельные археологические изыскания в интересующем нас регионе, вызванные скорее находками местных жителей, чем целенаправленными научными поисками, проводили ученые, имеющие другой профиль исследований.

Например, в 1952 г. этнограф И.С. Гурвич в ходе экспедиции в низовья Индигирки произвел археологические раскопки поздненеолитической стоянки человека на Татьянинном озере, которую обнаружил годом ранее директор Чокурдахской школы И.Т. Тирских. Кроме того, ученый осуществил разведку в местах старинных поселений, где располагались так называемые чандалы – деревянные жилища-полуземлянки, на тот момент предположительно относившиеся к культуре так называемых «пеших», т.е. оседлых юкагиров [РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 247. Л. 70–71].

В значительной степени на результатах, полученных в ходе этих изысканий, основывались исследования участников Юкагирской комплексной экспедиции 1959 г., научным руководителем которой являлся И.С. Гурвич. Археологи экспедиции под руководством З.В. Гоголева обнаружили тогда в окрестностях с. Полярное (Русское Устье) Аллаиховского района целые поселения, которые насчитывали до 40 чандалов, а также открыли в низовьях Индигирки Бу-

рулгинскую стоянку неолитического человека. Кроме того, они провели рекогносцировочные изыскания в Нижне- и Верхнеколымском районах [АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1201. Л. 11–14].

Систематическое же археологическое изучение арктических районов Якутии началось вскоре после организации Институт языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения (ИЯЛИ ЯФ СО) АН СССР в 1964 г. ежегодной работы фундаментальной Приленской археологической экспедиции (ПАЭ). Н.Д. Архипов называет это событие началом нового этапа в изучении освоения древним человеком территории республики [Архипов, 2000, с. 72]. Бессменным руководителем ПАЭ, полевые исследования в рамках которой продолжались вплоть до начала XXI в., являлся кандидат, а затем доктор исторических наук Ю.А. Мочанов.

Первые исследования участников ПАЭ в Заполярной Якутии были проведены в 1967 и 1968 гг. в Оленекском районе под руководством И.В. Константинова. В 1970, 1977 и 1978 гг. С.П. Кистенев работал в низовьях Колымы и на Малом Анюе. В начале 70-х гг. XX в. в течение нескольких полевых сезонов проводились раскопки на р. Берелех (руководитель – Ю.А. Мочанов), практически одновременно под руководством С.А. Федосеевой получило продолжение начатое в ходе Юкагирской комплексной экспедиции изучение Бурулгинской стоянки. В 1974, 1978 и 1979 гг. Н.М. Щербакова руководила пионерными археологическими изысканиями в бассейне Яны. В 1974 г. И.В. Константинов возглавлял археологическую разведку на Анабаре. В 1974–1975 гг. исследования участников ПАЭ охватили Момский район (В.А. Кашин), а в 1978 г. они распространились и на низовья Лены (Н.Г. Багынанов). В полевых сезонах 1978 и 1979 гг. изыскания осуществляли также участники Нижнеиндигирского отряда Приленской археологической экспедиции (С.И. Эверстов) [Сулейманов, 2019, с. 6–14]. Кроме того, в 1969 г. А.П. Окладниковым (Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, г. Новосибирск) была организована комплексная экспедиция по изучению одного из форпостов освоения русскими северо-востока России – г. Зашиверска [Окладников и др., 1977, с. 5–13]. Таким образом, археологи к началу 1980-х гг. исследо-

вали практически все наиболее перспективные для поиска стоянок древнего человека в арктических районах Якутии ареалы, доселе являвшиеся фактически «белым пятном» на археологической карте региона. Вместе с тем большинство названных изысканий носило рекогносцировочный характер и, учитывая площадь Заполярной Якутии, конечно же, требовалось продолжение исследований.

Перечислению проведенных археологами в 50–70-е гг. XX в. в арктических районах Якутии изысканий значительно способствовало то, что они были относительно подробно рассмотрены автором представленной работы в своих статьях [Сулейманов, 2014; 2019]. Попыток же проанализировать и обобщить историю археологического изучения Заполярной Якутии в последующие десятилетия до сих пор не предпринималось. Фактически имеющийся в этом отношении историографический массив в значительной степени сформирован не историками науки, а самими археологами. Данное обстоятельство, естественно, наложило серьезный отпечаток на ракурс и характер этих исследований. Их систематизация привела к выделению трех условных историографических блоков. В рамках первого ученые представили сведения, касающиеся исследований отдельных стоянок древнего человека в арктических районах Якутии [Аргунов, 1986; Кистенев, 1992; Эверстов, 1992 и др.]. Ко второму блоку относятся работы, в которых некоторые из проведенных в регионе изысканий были обобщены по географическому принципу [Аргунов, 1990; Кистенев, 1990; Михалев, Елисеев, 1992; Эверстов, 2014 и др.]. Следует отметить, что в обоих случаях речь идет о материалах, представленных авторами в качестве введений к описанию собственных полевых работ. В этих введениях давалась характеристика степени разработанности того или иного вопроса. Наконец, третий условный историографический блок включает обобщающие исследования по истории развития археологии в республике. Особняком здесь стоит, конечно же, докторская диссертация Н.Д. Архипова «Археология Якутии (история, итоги, задачи: XVIII–XX вв.)» [Архипов, 2000]. В ее рамках ученый, в том числе, выделил важнейшие этапы формирования археологического знания, ключевые события в изучении памятников древнего человека. Вме-

сте с тем Н.Д. Архипов не рассматривал специально изыскания, осуществленные в арктических районах Якутии, и в принципе преследовал несколько иные задачи, касающиеся, в первую очередь, подведения итогов того, что было сделано археологами, определения «белых пятен» и лакун, на которые должны были быть направлены будущие исследования. В фокусе же целенаправленного внимания арктические районы Якутии оказались в исследованиях А.Н. Алексеева, Р.И. Бравиной, В.М. Дьяконова, Ю.А. Мочанова, Е.А. Строговой и С.А. Федосеевой. Однако подготовленные указанными авторами статьи также были направлены, прежде всего, на определение степени археологической изученности региона [Алексеев и др., 2017; Дьяконов, 2019; Мочанов, Федосеева, 2005].

В данной работе автор рассчитывает главным образом на основе анализа отчетов, которые были выявлены в Отделе полевых исследований Института археологии РАН, выдающем, как известно, открытые листы на проведение соответствующих изысканий, заполнить существующую историографическую лауну и представить целостную картину деятельности археологов по исследованию арктических районов Якутии в 1980–1991-е гг. Начальная граница, как уже было отмечено, обусловлена текущей историографической ситуацией, верхняя – произошедшими глубокими трансформациями в жизни нашей страны, непосредственным образом отразившимися и на российской науке.

Переходя непосредственно к рассмотрению заявленной темы, следует отметить, что в 80-е гг. XX в. получили продолжение исследования, проводившиеся ранее в арктических районах Якутии участниками Приленской археологической экспедиции.

Так, в 1980 г. Н.М. Щербакова продолжила археологические изыскания на Яне. В состав руководимой ею Янской группы II отряда ПАЭ входили также рабочие С.А. Таюрский и С.В. Новиков. Маршрут осуществлялся на моторной лодке [НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8140. Л. 3].

Первоначально исследователи планировали провести археологическую разведку от поселка Батагай до Нижнеянска. Однако поскольку изыскания велись в конце сентября при неблагоприятных погодных условиях, Н.М. Щербакова

приняла решение ограничиться работами на участке Батагай – Янск общей протяженностью около 100 км. Особое внимание при этом было уделено открытой в 1979 г. стоянке Омук, расположенной в 632 км от устья Яны. Здесь исследователями было заложено семь шурфов, из которых только в одном был найден археологический материал: два фрагмента тулова и фрагмент венчика шнуровой керамики, а также четыре сланцевых отщепов. Обнаруженные артефакты позволили Н.М. Щербаковой определить принадлежность обитателей стоянки к археологическим культурам (белькачинская) и произвести ее датировку (III тыс. до н.э.). Выявить же новые археологические памятники на исследованном участке руководимой ею исследовательской группе не удалось [Там же. Л. 3–5].

В 1980 г. было продолжено и археологическое изучение стоянки Белая Гора, начатое двумя годами ранее Нижнеиндигирским отрядом ПАЭ под руководством С.И. Эверстова. Маршруты участников на этот раз I отряда Приленской археологической экспедиции (начальник С.И. Эверстов, рабочие В.Г. Семчевский и Н.С. Лопатин) по бассейну Индигирки совершались на вертолете, моторной и резиновой лодках [Там же. Д. 8524. Л. 5].

Начались исследования в середине июня с раскопок стоянки Белая Гора, которыми были охвачены 56 м² территории стоянки. В процессе проведения работ участники отряда выявили семь следов кострищ, множество костей мелких и крупных животных, а также разнообразный инвентарь древнего человека. Среди найденных артефактов были, в частности, 39 наконечников стрел четырех разных типов, заготовки и обломки наконечников копий, каменные ножи, 8 вкладышей, 71 скребок, пять скребел, 42 резца, 10 проколов, шесть комбинированных орудий, четыре топора, тесло, долото, два отбойника, три нуклеуса, 425 обломков ножевидных пластин, более 9 тыс. отщепов. Кроме того, исследователи обнаружили костяные изделия (три наконечника, два обломка орудий) и 495 фрагментов керамики, преимущественно вафельной. Значительный интерес представляют также найденные в ходе изысканий следы жилища: три борта подпрямоугольной формы, оконтуренные органическим останками, «связка» прутьев, расщепленные палки, изделия и отходы производства.

Анализ полученных материалов подтвердил, принадлежность стоянки Белая Гора к ымыяхтахской археологической культуре, однако было установлено и наличие предметов более древней белькачинской культуры [Там же. Л. 5–20].

В 18 км выше по течению от Белой Горы на правом берегу Индигирки участники отряда выявили новый археологический памятник: стоянку древнего человека Буолумуна-Тааса. Здесь был заложен разведочный раскоп, в котором удалось найти 180 отщепов, семь ножевидных пластин, кремневый нож, четыре обломка обожженных костей животных и 45 фрагментов керамики. Полученный материал позволил С.И. Эверстову произвести предварительную датировку открытого памятника – IV–II тыс. до н.э. [Там же. Л. 20–21].

В 1980–1981 г. на территории Верхне- и Среднеколымского районов Якутии проводили рекогносцировочные изыскания участники Верхнеколымской группы Северо-Восточного отряда ПАЭ. В состав группы входили: сотрудники ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР В.М. Михалев (начальник) и С.П. Кистенев, а также рабочие А.И. Лукьянов и В.Н. Фунтузов (только в 1980 г.).

В первый год полевые исследования продолжались с 12 июля по 15 августа и охватили 420-километровый прибрежный участок Колымы от поселка Зырянка до границы Верхне- и Среднеколымского районов. В 1981 г. работы проводились в течение 2–18 сентября в районе между Талактасским перекатом Колымы и Среднеколымском, а общая протяженность маршрута составила 500 км [Там же. Д. 7858. Л. 2; Д. 9339. Л. 1].

В результате проводимых исследований были открыты стоянки Слезовка, Седедема и Гороховская, повторно обследована стоянка Лобуя, выявленная в 1946 г. А.П. Окладниковым, а также изучены обнаруженные местными детьми артефакты из местности Арга-Таас и окрестностей Зырянки. Сбор подъемного материала, а также разведочное шурфирование позволили участникам Верхнеколымской группы дополнить коллекцию инвентаря древнего человека, найденного в ходе работ Приленской археологической экспедиции, следующим: 10 фрагментами шнуровой и вафельной керамики, ножом из белого кремня, семью обломками пластин,

угловым резцом и семью отщепами. Характер полученного материала дал исследователям возможность достаточно точно определить его датировку и культурную принадлежность. Так, стоянка Слезовка была отнесена к белькачинской культуре неолита Якутии (III тыс. до н.э.), стоянка Седедема – к ымыяхтахской культуре (II тыс. до н.э.) [Там же. Д. 7858. Л. 2–4; Д. 9339. Л. 1–3].

21–29 июля 1986 г. в Усть-Янском районе проводились раскопки Черчинского захоронения, информацию об обнаружении которого незадолго до этого предоставил в ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР бывший председатель профсоюзного комитета комбината «Куларзолото» А.П. Лимаренко. Захоронение в октябре 1985 г. было найдено в 50 км от поселка Северный местными жителями И.И. Кузьминым и В.Б. Кузьминым при охоте на зайцев, в ходе которой в одной из расщелин они увидели человеческий череп. Летом 1986 г. И.И. Кузьмин с друзьями расчистили место сделанной находки и обнаружили останки трех человек, а также 9 костяных наконечников стрел. Для проведения полевых изысканий Институт языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР командировал в Усть-Янский район археолога В.М. Михалева и физического антрополога Л.Ф. Томтосову. Ученые по прибытии на место захоронения столкнулись с серьезной проблемой – кроме того, что его первооткрыватели забрали с собой черепа и найденные артефакты, часть костей и инвентаря древнего человека были выброшены в реку, а часть – сложена в кучу у края расщелины. Анализ сохранившегося материала позволил специалистам установить, что в захоронении находились останки пяти человек. Л.Ф. Томтосова осуществила измерения двух черепов (еще один был утерян местными жителями) и установила, что они принадлежали к антропологически сходными с байкальским типом северных монголоидов мужчине и женщине. В.М. Михалев исследовал сохранившийся погребальный костяной инвентарь (21 целый и два обломка наконечников стрелы, два предмета непонятного назначения). Ученый произвел его классификацию, а также осуществил предположительную датировку найденного памятника. По мнению специалиста, Черчинское захоронение могло быть сделано после эпохи позднего неолита. Осуществить

же более точную датировку не позволило отсутствие керамических и металлических изделий, а также прямых аналогий с найденными ранее на территории Якутии артефактами. Наиболее важной стороной обнаруженного захоронения был, по мнению В.М. Михалева, тот факт, что оно являлось первым выявленным погребением пещерного типа «не только в Якутии, но и на всем Севере Сибири» [Там же. Д. 11571. Л. 1–10].

Определенный импульс проведению археологических изысканий в арктических районах Якутии в 1980-е гг. придали планы, направленные на интенсификацию промышленного освоения региона. Как в 60-е гг. XX в. выявлению стоянок древнего человека способствовали исследования С.А. Федосеевой в зоне будущего затопления Виллойской ГЭС, так и в рассматриваемый в данной статье период при подготовке строительства ГЭС на Адыче ему способствовали изыскания в рамках необходимой для таких случаев археологической экспертизы. Исследования проводились в соответствии с договором, заключенным ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР с занимавшимся проектированием ГЭС институтом Гидропроект им. Я.Я. Жука (г. Москва), на средства последнего.

Первые изыскания в рамках договора были осуществлены в бассейне Адычи 11 августа – 19 сентября 1986 г. участниками Северного отряда ПАЭ. Руководил ими В.М. Михалев. Кроме него в состав отряда входили В.И. Эртюков и С.П. Кистенев. Из административного центра Верхоянского района поселка Батагай исследователи на вертолете МИ-8 были переброшены в верховья р. Джолакаг. Отсюда на резиновой лодке они сплавились до устья Адычи. Спускаясь вниз по течению этой реки, участники отряда преодолели еще 400 км. Общая же протяженность маршрута составила более 500 км. При этом визуальный осмотр раздернованных участков и разведочное шурфирование, произведенное «во всех доступных на лодке перспективных с археологической точки зрения местах», результата не дал. Не привело к сколь-либо примечательным находкам даже тщательное изучение местонахождений мамонтовой фауны в местностях Аллара-Кисилэх и Улахан-Сууллар [Там же. Л. 10–11].

Исследования сотрудников ПАЭ на Адыче в связи с проектом строительства в ее бассейне

ГЭС были продолжены в полевые сезоны 1987–1989 гг.

29 июля – 24 сентября 1987 г. Адычанский отряд ПАЭ (В.М. Михалев (начальник), В.И. Эртюков и С.П. Кистенев) охватил разведкой рр. Туостах, Адыча (от устья р. Борулах до устья), Борулах (от с. Токума до устья), окрестности села Табалах и районного центра поселка Батагай.

Маршрут по Туостаху, правому притоку Адычи, проводился на резиновой лодке с предварительной заброской участников отряда на вертолете МИ-8 из Батагая. Попутно была проведена авиаразведка берегов Туостаха от устья до места высадки в 20 км выше устья р. Болдымбы. Облет, как отметил В.М. Михалев, дал мало позитивных результатов: «везде тундровый, ближе к реке лесотундровый, ландшафт, особенно в среднем и нижнем течении реки. Коренные берега местами “отходят” от реки на 5–7 км, и обследовать их на лодке невозможно». Сама местность при этом практически не располагала перспективными с археологической точки зрения террасами [Там же. Д. 12375, л. 1–2].

Лишь на пятикилометровом участке на правом берегу Туостаха были открыты три группы стоянок каменного века – Туостах I–VI, Туостах VII–XII и Туостах XIII–XIX. В ходе обследования обнажений и раскопки пяти шурфов на этих стоянках исследователи выявили 1947 отщепов, три тесла, 22 пластины, четыре скребка, резец, наконечник стрелы, различные обломки и заготовки каменного инвентаря (ножей, тесел, пластин и др.), пять фрагментов керамики, а также многочисленные кости животных. Исходя из характера сделанных находок, участники отряда определили, что стоянки представляют смешанный археологический комплекс – материал относился к сылахской культуре раннего неолита Северо-Восточной Азии, а также к более позднему, белькачинской и ымыяхтахской, культурам [Там же. Л. 5–14].

Повторная разведка по Адыче от устья р. Борулах до устья р. Туостах проводилась на вертолете МИ-8, далее – на резиновой лодке. Во время облета с посадками в перспективных местах участники отряда открыли место стоянки древнего человека Силиилээх, где были найдены три чешуйки серого камня. Провести более глубокие изыскания археологам помешал дефицит времени – заканчивалась аренда спецрейса.

В 20 км ниже устья р. Туостах на правом берегу Адычи была открыта стоянка Встречная. Здесь исследователи в обнажении склона террасы выявили семь отщепов из кремнистого сланца и серого кварцита [Там же. Л. 14–15].

В 7 км вниз по течению Адычи и в 1 км к северу от Адычанской базы проектировщиков ГЭС ученые обследовали стоянки Кыра I и Кыра II. Названные археологические памятники были открыты летом 1987 г. отрядом Института мерзлотоведения СО АН СССР под руководством Ю.А. Мурзина. Геокриологи собрали тогда подъемный материал из кремнистого сланца, который включал несколько отщепов, тесло, пластины и их обломки, а также вкладыш, скребок и рубящее орудие типа топора. Участники Адычанского отряда ПАЭ продолжили обследование обнажений, а также произвели раскопку двух разведочных шурфов. В результате проведенных ими изысканий коллекция находок со стоянок по рч. Кыра была пополнена еще 201 отщепом, двумя пластинами, двумя скребками, а также фрагментами различного каменного инвентаря [Там же. Л. 15–18].

В окрестностях поселка Батагай археологи открыли 12 стоянок древнего человека: Батагай I–VI и Бартымах I–VI. По итогам сбора подъемного археологического материала и закладки двух разведочных шурфов исследователями было зафиксировано обнаружение 177 отщепов, четырех наконечников стрел, нескольких пластин, проколки, резца, скребка, 126 керамических фрагментов, костей крупных животных, обломков наконечников стрел, ножа, пластин и прочего каменного инвентаря. При этом руководитель Адычанского отряда ПАЭ В.М. Михалев признал, что на стоянках группы Бартымах должно было быть сделано значительно большее количество находок. Однако они были открыты и бегло осмотрены только в день окончания исследований и вылета из Батагая в Якутск [Там же. Л. 20–27].

Кроме того, участники отряда обследовали окрестности села Табалах Верхоянского района, где в 1984 г. во время подсыпки авиаплощадки школьницей Х. Слепцовой было найдено каменное тесло. Археологи путем опроса местных жителей установили места, откуда брался грунт, и обследовали их. На холме Томтор в 2 км к северо-востоку от села они обнаружили два

отщепа из темно-серого кремнистого сланца и фрагмент толстостенной керамики. Сделать же другие находки, возможно, помешал тот факт, что ко времени проведения изысканий карьером было уничтожено уже около трети поверхности холма [Там же. Л. 19].

В 1988 г. исследования на Адыче проводились в период с 30 августа по 24 сентября и охватили участок долины реки от устья р. Борулах до Адычанской базы общей протяженностью около 170 км. Отрядом в составе сотрудников ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР В.М. Михалева (начальник), С.П. Кистенева и Е.И. Елисеева в ходе речных и пеших маршрутов было открыто 23 археологических памятника (Усть-Борулаах I–II, Охордоох, Дьубдугурас I–II, Кулун-Мэиинлээх, Случайная, Хотон-Хайа, Арыктаах, Эбэ-Кюелэ I–II, Аргаа, Кыра-Суллар I–V, Улахан-Суллар I–II, Хатыыстах I–II, Тья-Сысыта, Первая), а также продолжено изучение стоянок Кыра I и II [Там же. Д. 12702. Л. 1].

В результате осмотра раздернованных участков и проведения разведочного шурфирования исследователи обнаружили два крупных диабазовых рубящих орудия, два скребка, нуклеус, 395 отщепов и чешуек из кремнистого сланца и халцедона, фрагменты пластин, наконечников стрел, ножей, керамики и костей животных [Там же. Л. 1–17].

Результаты проведенных работ позволили В.М. Михалеву сделать вывод о том, что участок нижнего течения Адычи «по плотности распространения памятников на такой ограниченной территории является пока единственным в Заполярной Якутии» [Там же. Л. 17].

С 1 августа по 3 октября 1989 г. участники Адычанского отряда ПАЭ (В.М. Михалев, С.И. Эверстов, Е.И. Елисеев) продолжили раскопки стоянок на рч. Кыра, а также произвели рекогносцировочные изыскания в долине р. Борулах [Там же. Д. 16134. Л. 2].

Из Батагая на вертолете МИ-8 археологи были заброшены в район поселка Токума, откуда они на моторной лодке начали сплав по Борулаху к устью этой реки. На исследованном участке были найдены четыре местонахождения (Хасы-Алыта, Хонду II, Катерина-Хайата, Томтор), стоянка (Хонду I) и погребение древнего человека. В результате работ (сбор подъемного материала, разведочное шурфирование,

раскоп) на выявленных археологических памятниках участники отряда обнаружили наконечник стрелы, небольшое тесло, две пластины из кремнистого сланца, более 30 отщепов и чешуек, два фрагмента керамики, обломки каменного инвентаря, кости человека и животных [Там же. Л. 2–60].

Представляет значительный интерес установленный исследователями при раскопе захоронения погребальный обряд: тело умершего помещалось в грунтовой яме, перекрытой поперечно-продольно уложенными жердями, на которых в свою очередь разводился костер. Как отметил В.М. Михалев, подобный тип на территории Якутии не фиксировался «ни сейчас, ни в этнографической древности» [Там же. Л. 6].

В ходе раскопок на стоянках Кыра I и II археологи выявили около двух тысяч предметов, «невывразительность» которых не позволила определить возраст изучаемых памятников. Кроме того, в относительной близости от них были открыты еще семь местонахождений древнего человека – Кыра III–IX. В ходе обследования этих местонахождений исследователи собрали каменный инвентарь: наконечник стрелы, 129 отщепов и 10 пластин из кремнистого сланца и диабазы [Там же. Л. 6–10].

Следует отметить, что результаты научных исследований, связанных с проектом строительства Адычанской ГЭС, включая археологические, превзошли практические итоги его реализации – гидроэлектростанция так и осталась в проектах. Из-за протестов экологов и стремительно менявшейся экономической ситуации строительная площадка будущей ГЭС была заброшена еще на начальной стадии.

В дальнейшем после окончания работ на Адыче в 1990 г. В.М. Михалев участвовал в исследованиях Колымской группы Северного отряда ПАЭ. Изыскания осуществлялись в период с 9 августа по 26 сентября 1990 г. в Верхне-, Средне- и Нижнеколымском районах республики и проходили под руководством С.П. Кистенева. В экспедиции также принимали участие В.И. Эртюков и проводник-рабочий К.С. Спиридонов [Там же. Д. 16837. Л. 1].

Работы начались на левом притоке р. Ясачная – Омулевке, куда исследователи были заброшены на вертолете МИ-8 из поселка Зырян-

Рис. 1. Участники Колымской группы Северного отряда ПАЭ и Н.П. Тарабукин (2-й справа) на месте сруба избушки О.Ф. Герца, 1990 г.

ка. Далее они проделали двухсоткилометровый маршрут на двух резиновых лодках от правого притока Омулевки ручья Инанья до Ясачной, по которой уже на моторных лодках вернулись в Зырянку. По пути участники группы производили осмотр перспективных с археологической точки зрения мест, однако выявить стоянки древнего человека им не удалось. В то же время, руководствуясь информацией, полученной от местных охотников и рыболовов, о нахождении в ареале деятельности экспедиции останков четвертичной фауны археологи осмотрели одно из таких мест и обнаружили бивень мамонта. Кроме того, также опираясь на сведения местных жителей о находках костяных и железных наконечников стрел, они обследовали окрестности села Нелемное. Здесь были найдены мелкие кремневые чешуйки и оббитые гальки, которые тем не менее, как считали исследователи, имели не археологическую, а этнографическую ценность, т.к. являлись производственными отходами кузнечной деятельности, существовавшей в этих местах до 20-х гг. XX в. [Там же. Л. 1–2].

Из Зырянки участники изысканий были переброшены первоначально в Среднеколымск, а оттуда в с. Березовка. По одноименной реке с помощью моторных лодок они обследовали сотвораклометровый участок до местности Ма-

монтонка, известной находками четвертичной фауны и, прежде всего, Березовского мамонта. Любопытно, что сопровождал археологов в пути Н.П. Тарабукин – внук спутника О.Ф. Герца. На месте остатков обгоревшего сруба избушки открывателя Березовского мамонта исследователи установили мемориальную алюминиевую доску (рис. 1). На одном из близлежащих притоков Березовки – речке Довлесан («переправа» с эвенского) – была открыта стоянка древнего человека, на которой удалось собрать два сланцевых отщепов. Еще пять отщепов, а также овальное сланцевое долото участники Колымской группы обнаружили в устье р. Сивер – правого притока Березовки. На основе выявленного материала была осуществлена примерная датировка стоянки (ымыяхтахская культура позднего неолита). В километре от устья р. Сивер археологи осмотрели и сфотографировали показанный Н.П. Тарабукиным арангас – воздушное захоронение, сделанное на деревьях [Там же. Л. 2–4].

По завершении изысканий на Березовке исследователи на вертолете вернулись в Среднеколымск, а оттуда на катере «Морж» продолжили маршрут вниз по Колыме – к поселку Черский. В результате было открыто еще шесть археологических памятников: три стоянки в сред-

нем и нижнем течении Колымы, а также одна стоянка в устье Белой речки и две на р. Пантелеиха в местности Орбита. Кроме того, были доисследованы открытые в 1970 г. Ю.А. Мочановым и С.А. Федосеевой три стоянки в устье р. Комарок. В ходе работ (сбор подъемного материала, зачистка обнажений, разведочное шурфирование) на этих памятниках археологи обнаружили сланцевый скребок, кремневые и обсидиановые пластины, многочисленные кремневые и сланцевые отщепы [Там же. Л. 1–7].

В полевых сезонах 1989–1990 гг. было продолжено изучение стоянки Белая Гора. Изыскания Нижне-Индигорской группы ПАЭ вновь возглавлял С.И. Эверстов. Кроме него в состав группы входили сотрудники В.М. Михалев и Е.И. Елисеев. Экспедиционные маршруты названные специалисты совершали на вертолете, моторной и резиновой лодках [Там же. Д. 13806. Л. 1].

В 1989 г. исследования начались 18 августа с разведочных работ в долине р. Силянних – левого притока Индигирки. Здесь участники группы обнаружили следы трех стоянок древнего человека, которые получили название Харбатар, Агдайка и Суордах. Проведение разведочного шурфирования и сбор подъемного археологического материала позволили выявить 23 отщепа из кремня и сланца, а также сланцевый топор [Там же. Л. 1–5].

Еще четыре стоянки были зарегистрированы исследователями в районе, располагающемся между рр. Силянних и Уяндына. На стоянках Тумус I и Тумус II были найдены 10 фрагментов керамики, концевой скребок, нуклеус, 15 целых ножевидных пластин и пять обломков, 23 кремневых, сланцевых и диабазовых отщепа. Еще один сланцевый отщеп археологи обнаружили на стоянке Юрюйэ. Работы же на стоянке Дениска-Юрюйэтэ, в ходе которых были заложены два разведочных шурфа, позволили выявить 21 фрагмент керамики, четыре обломка наконечников стрел и два двухсторонне-ретушированных вкладыша, обломок халцедонового ножа, три скребка, 89 отщепов, 90 чешуек и различные элементы другого каменного инвентаря [Там же. Д. 16837. Л. 5–13].

При продолжении работ на стоянке Белая Гора, проводившихся в 1978–1980 гг., исследователи произвели раскопки общей площадью

8 м² – из-за раннего похолодания этот показатель был значительно меньше, чем планировалось изначально. В результате они сумели обнаружить каменный инвентарь (четыре наконечника стрел, три ножа, шесть скребков, два резца, два клювовидных орудия, проколка, тесло и др.), керамику (27 фрагментов) и отходы производства (три скола и 533 отщепа) [Там же. Л. 13–19].

В задачи полевых исследований Нижне-Индигорской группы ПАЭ в следующем 1990 г., наряду с изучением стоянок Белая Гора и Дениска-Юрюйэтэ, также входило проведение рекогносцировочных археологических работ в бассейне р. Уяндына на территории Абыйского и Усть-Янского районов. Состав участников изысканий был аналогичен предыдущему году. Маршрут по Уяндине они совершали на резиновой лодке, по Индигирке – на моторной [Там же. Д. 4871. Л. 2].

Исследования начались 1 августа в окрестностях административного центра Усть-Янского района – поселка Депутатский. В 522 км от устья Уяндыны участники группы обнаружили стоянку древнего человека, получившую название Эгэрдэлиир («Кремневая гора» в переводе с якутского). Путем сбора подъемного археологического материала и заложения разведочного шурфа были извлечены 180 отщепов, две пластины и два скола из кремня, обломок заготовки ножа [Там же. Л. 3–5].

В 500 м к югу от стоянки Эгэрдэлиир исследователи выявили еще один археологический памятник: на стоянке Тирехтях ими были найдены 75 отщепов и сколов из кремнистого сланца, кремня и метаморфизированной вулканической породы, массивная ножевидная пластина, а также обломки нуклеусов и микропластин. Работы (сбор подъемного материала и шурфирование) на стоянке Очуостаах, обнаруженной в 482 км от устья Уяндыны, позволили выявить еще 12 кремневых отщепов, обломки ножа и наконечника стрелы из кремня, а также фрагмент микропластины [Там же. Л. 5–8].

В 633 км от устья Индигирки была зафиксирована стоянка Юенних-Тасса. Здесь археологи обнаружили кремневый скол и две, имеющие следы обработки, плитки из кремня и халцедона [Там же. Л. 8–9].

Очередные раскопки стоянки Белая Гора расширили исследованную территорию еще на 8 м².

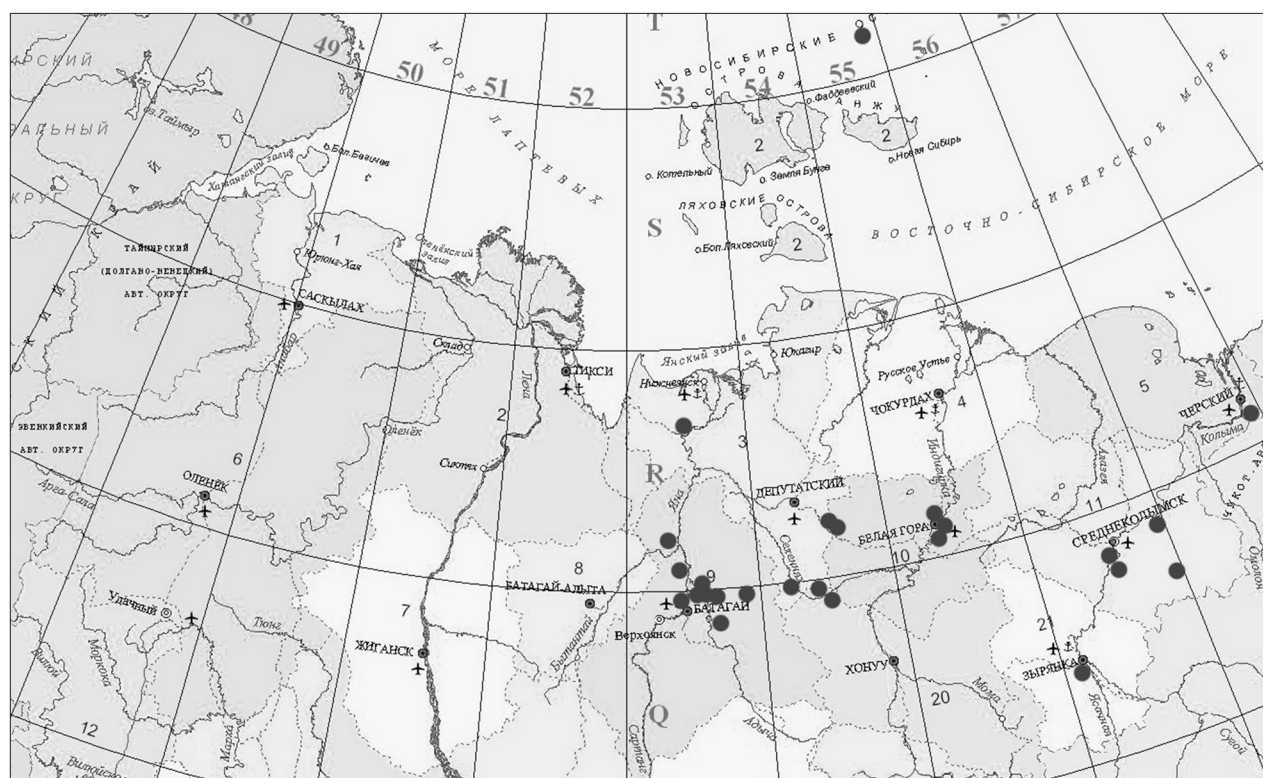

Рис. 2. Археологические исследования Академии наук СССР в арктических районах Якутии в 1980–1991-е гг. (● – места проведения основных изысканий)

В результате проведенных работ были найдены шесть скребков из халцедона и кремнистого сланца, наконечник стрелы из полупрозрачного халцедона, 175 отщепов и сколов, два многофасеточных резца, две пластины, обломки двухсторонне ретушированного ножа и долота, фрагменты и заготовки различного каменного инвентаря, а также 10 керамических элементов [Там же. Л. 9–14].

На стоянке Дениска-Юрюйтэ археологи заложили раскоп площадью 12 м². Из него удалось извлечь 5519 находок, включавших различный каменный инвентарь (наконечники, ножи, скребки, вкладыши, комбинированные орудия, проколки, провертки, резцы, их обломки и заготовки) из халцедона, кремня, кремнистого сланца и роговика, а также металлические изделия и фрагменты керамики) [Там же. Л. 14–29].

Значительный интерес представляют также совместные исследования Ленинградского отделения Института археологии (ЛО ИА) АН СССР (сейчас – Институт истории материальной культуры РАН) и Арктического и Антарктического научно-исследовательского института

(ААНИИ, г. Ленинград), проводившиеся в 1989–1990 гг. на острове Жохова (архипелаг Де-Лонга). Работы осуществлялись на основании договора о научном сотрудничестве, заключенного между двумя названными структурами в 1988 г. и предполагавшего участие археологов в изысканиях отдела географии полярных стран ААНИИ в рамках Программы комплексных гляцио-геоморфологических исследований высокоширотной Арктики. Финансировались археологические работы за счет средств, выделенных ААНИИ.

Руководство исследования осуществлял В.В. Питулько (ЛО ИА АН СССР). Вместе с ним в проведении раскопок принимали участие В.М. Макеев, М.А. Анисимов (ААНИИ) и С.Н. Зементов (студент географического факультета ЛГУ).

В ходе полевых работ в течение двух лет исследованиями была охвачена территория площадью около 148 м². В ее пределах удалось выявить шесть участков вероятного расположения стационарных жилищ древнего человека, обнаружить более 1000 предметов (отщепы, нуклеу-

сы, ножевидные пластинки, фрагменты посуды, орудий охоты и рыболовства, шило, обломок нарточного полоза и др.), выполненных из камня, кости и дерева. Произведенная датировка Жоховской стоянки позволила В.В. Питулько сделать вывод о выявлении древнейшего памятника каменного века высокоширотной Арктики. Стоянка свидетельствовала об освоении человеком арктических островов в эпоху раннего голоцена (около 8000 лет назад) и стала самой северной из открытых постоянных стоянок древнего человека такого возраста [Там же. Д. 14723. Л. 1–18; Д. 16321. Л. 3–23].

В период с 1980 по 1991 г., таким образом, получили развитие исследования истории заселения арктических районов Якутии древним человеком (рис.2). Значительная часть рассмотренных изысканий носила рекогносцировочный характер. Даже в годы расцвета деятельности Академии наук СССР и, пожалуй, максимальной по сей день транспортной доступности арктических районов Якутии проводить здесь масштабные исследования оказывалось проблематично как в финансовом, так и в организационном планах. Тем не менее археологи смогли выявить новые памятники на Колыме, Яне и Индигирке, включавшие, в том числе нехарактерные относительно ранее известных в регионе. Достаточно активному изучению в связи с планируемым строительством ГЭС подвергся бассейн Адычи. Это позволило коррелировать и синхронизировать открытые археологические памятники с культурами, выявленными ранее в других районах Якутии. Проведенные же на острове Жохова раскопки дали возможность продвинуть на север известные границы постоянного проживания человека в период около 8000 тыс. лет назад.

Литература и источники

Алексеев А.Н., Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Строгова Е.А. Оценка археологической изученности северных и арктических районов Якутии // Вторая Якутская комплексная экспедиция: начало пути: сб. матер. респ. науч.-практ. конф. – Якутск: Издат. Дом СВФУ, 2017. – С. 3–9.

Аргунов В.Г. Стоянка Оленек I – памятник каменного века Северо-Западной Якутии // Археологические и этнографические исследования в Восточной

Сибири (итоги и перспективы). – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1986. – С. 41–45.

Аргунов В.Г. Каменный век Северо-Западной Якутии. – Новосибирск: Наука, 1990. – 209 с.

АРАН – Архив Российской академии наук. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1201.

Архинов Н.Д. Археология Якутии (история, итоги, задачи: XVIII–XX вв.): дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2000. – 419 с.

Дьяконов В.М. Писаницы арктических районов Якутии // Материалы всероссийской конференции «Эхо арктической Одиссеи: судьбы этнических культур в исследованиях ученых-североведов», посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося российского этнолога, ученого-североведа, доктора исторических наук И.С. Гурвича, 14–15 ноября 2019 г., г. Якутск. – Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2019. – С. 353–358.

Зыков И.Е. Интерес к археологии в дореволюционной Якутии // Якутский архив. – Вып. XV. – Якутск, 1972. – С. 164–167.

Кистенев С.П. Каменный век бассейна Нижней Колымы: автореф. дис. канд. ист. наук. – Якутск, 1990. – 22 с.

Кистенев С.П. Родинское неолитическое захоронение и его значение для реконструкции художественных и эстетических возможностей человека в экстремальных условиях Крайнего Севера // Археологические исследования в Якутии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 68–83.

Михалев В.М., Елисеев Е.И. Археологические исследования в бассейне Верхней Яны // Там же. – С. 47–64.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Работы Приленской археологической экспедиции (ПАЭ), Центра арктической археологии и палеоэкологии человека АН РС (Я) в северных районах Якутии // Истоки, формирование и развитие Евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. – Иркутск: Радиан, 2005. – С. 35–38.

НОА ИА РАН – Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8140; 8524; 8140; 8524; 9339; 11571; 12375; 12702; 13806; 14723; 16134; 16837; 16321.

Окладников А.П. Раскопки на Севере // По следам древних культур. – М.: Госкультпросветиздат, 1951. – С. 11–46.

Окладников А.П., Гоголев З.В., Ащепков Е.А. Древний Зашиверск: древнерусский заполярный город. – М.: Наука, 1977. – 212 с.

РФА ЯНЦ СО РАН – Рукописный фонд Архива Якутского научного центра СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 247.

Сарычев Г.А. Путешествия по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. – М.: Географгиз, 1952. – 328 с.

Сулейманов А.А. Юкагирская комплексная экспедиция 1959 г. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2014. – № 3. – С. 74–78.

Сулейманов А.А. Академия наук СССР и археологическое изучение арктических районов Якутии в 50–70-е гг. XX в. // Гуманитарные исследования в

Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2019. – № 1. – С. 5–15.

Эверстов С.И. Остатки жилища из стоянки Белая Гора // Археологические исследования в Якутии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 47–64.

Эверстов С.И. Памятники древних культур Нижней Индигирки // Общество, культура, образование. Кн. 1. – М.: Рос. академия естествознания, 2014. – С. 138–143.

A.A. Suleymanov

Academy of Sciences of the USSR and the archaeological study of the arctic areas of Yakutia in the 1980s–1991

The article is based on an analysis of scientific literature and archival materials, including the first introduced into scientific circulation, was reconstructed the history of the conduction the archaeological research during the 1980 – 1991-ies in the Arctic areas of Yakutia by the USSR Academy of Sciences. In this regard, the main actors of the research process were identified: employees of the Institute of Language, Literature and History of the Yakutsk Branch of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences and the Leningrad Branch of the Institute of Archeology of the USSR Academy of Sciences. The geography of their implemented initiatives has been determined, covering mainly the Kolyma, Indigirka and Yana River basins, as well as the archipelago of the Novosibirsk Islands. It is shown that thanks to the plans for the construction of the Adychanskaya hydroelectric power station during the period under review, the Adychi River basin underwent quite an active study by the forces of the Prilensk archaeological expedition of the Institute of Language, Literature and History of the Yakutsk Branch of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. The most important results of the research are considered. It was established that, despite the largely reconnaissance nature, they were of great importance for reconstructing the history of the settlement of Zapolyarnaya Yakutia by an ancient man, determining the territorial limits of conquering them at high latitudes, and the possibilities of correlating the identified monuments with famous archaeological cultures.

Keywords: Arctic, Yakutia, USSR Academy of Sciences, research, archaeological expeditions.

